

Владислав Петрович Крапивин

Белый щенок ищет хозяина

Всем мальчишкам с Уктусских гор, где лес подходит к самым окнам Свердловска¹.

Прямая стрела

Хребет, покрытый сосновым лесом, врезается в город с юга. Он разрубает на две части самую солнечную окраину. Слева раскинулся новый район восточных улиц. Справа белеет многоэтажный посёлок химкомбината.

Горы небольшие. Но всё-таки это горы. Есть там и острые каменные зубцы, и гранитные обрывы, хоть встречаются они не часто. Зато много круглых вершин,

¹ С 1924 по 1991 так назывался город Екатеринбург.

на которые могут подняться даже совсем маленькие мальчишки. На одной из самых высоких гор сосны расступаются и открывают поляну. Здесь, в метёлках высокой травы, среди глазастых ромашек греются под солнцем валуны, похожие на спящих слонят. Сухой зеленовато-серый мох покрывает спины слонят узорчатыми чешуйками.

Если взойти на эту вершину да ещё подняться на самый большой валун, то можно увидеть, как горы плавными волнами уходят к юго-западу. Волны, сначала тёмно-зелёные, вдали окутываются синевой и, наконец, сливаются на горизонте с морем совершенно синего леса.

Это если смотреть на юг...

А если повернёшься к северу, то сквозь поредевший лес у подножия зелёных склонов увидишь дома под цветными крышами, и ленточку асфальта, и синий троллейбус на этой ленточке... Там лежит посёлок. Стрелогорск.

Это имя дали ему не зря. Сам хребет называется странно и красиво — Прямая Стрела. Так называли его древние жители гор, смелые всадники в острых лисьих шапках, с луками, выгнутыми, как маленькие коромысла. Говорят, по берегам ручья, который бежит вдоль западного склона, рос удивительный кустарник с прямыми и крепкими ветками. Всадники делали из этих веток стрелы.

Стрелогорску тесно внизу. Некоторые улицы уже заползают на горы, подобрались к самому лесу.

На самой высокой улице, на той, за которой уже поднимается берёзовый подлесок, как раз и живут герои этой повести. Вообще там живёт много людей: рабочие с химкомбината и фабрики «Металлист», почтальоны, учителя, шофёр дядя Саша, лейтенант милиции Серёжа, мальчишки и пенсионер Гурьян Кириллович.

О Гурьяне Кирилловиче стоит рассказать подробнее потому, что мы с ним ещё встретимся. Мальчишки не лю-

бят этого почтенного человека. Называют его не иначе, как Курьян Курилыч. Впрочем, чаще зовут его просто Курилычем. А всё из-за того, что Гурьян Кириллович каждый день рассказывает соседям, будто бросил курить. Ему вредно курить. У него гипертония и больное сердце. Поговорив о гипертонии и больном сердце, Курилыч обязательно попросит папироску — последнюю, будь она проклята. И уйдёт, тяжело покачивая животом, подхваченным снизу прочным ремнём.

Лицо у Курилыча мясистое и красное, будто он каждый день трёт его спелой свёклой. Мальчишкам это не нравится. Они говорят, что у инвалидов не бывает таких здоровых мор... то есть лиц. Не ценят они и мужества Курилыча. Ведь он, несмотря на больное сердце, копается целыми днями на своём огороде, в малиннике или среди кустов крыжовника. А то ещё возьмётся дрова колоть. Кубометров пять за один приём наколет и в поленницу сложит. Жизнью рискует человек, а мальчишки смеются. И всякие обидные слова говорят. Придумали даже, что свою инвалидную мотоколяску Гурьян Кириллович приобрёл незаконным путём. Мол, у него две ноги, и коляска не нужна. Не соображают, что грузному человеку, да ещё с таким животом, трудно пешком ходить...

В Стрелогорске смешались деревянные старые домики и новые здания из крупных панелей. Поэтому рядом с домом Курилыча поднимается трёхэтажный корпус. Новый, светло-розовый, с большими весёлыми окнами. Здесь-то и живут враги почтенного владельца мотоколяски... Впрочем, хватит о нём. Речь главным образом пойдёт о мальчишках.

Первое знакомство. Художник Вовка рисует с натуры

— Боря-а! Бори-и-ска!

Слышишь? Нам повезло. Сейчас мы и познакомимся с главным героем повести. Борискина мать зачем-то зовёт сына. Она открыла окно и с третьего этажа своим певучим голосом зовет:

— Борис! Ну, где ты, наконец?!

А правда, где он? Ага, вот...

Знакомство придётся начинать не совсем обычно. На середине двора стоит коричневый «москвич». Из-под «москвича» торчат четыре ноги. Две ноги — в жёлтых туфлях сорок третьего размера и узких синих штанах, две другие — в старых маленьких сандалиях и в разных царапинах. Особенно интересна одна царапина, украшающая левую ногу. Длинная, зигзагообразная, словно молния.

После каждого крика нога с царапиной-молнией досадливо дрыгается. Значит, она принадлежит Борису. И, значит, Борис помогает шофёру.

Ноги, конечно, не голова. Но и по ним судить о человеке можно. Царапины говорят о том, что человек презирает гладкие дороги. Левая сандалия с протёртой насквозь подошвой доказывает, что её хозяин любит скорость: ведь левой ногой толкаются, когда мчатся на самокате. На правой ноге обувь просит каши. Подошва оторвалась. Все знают, что сами подошвы отрываются редко. А вот если садануть как следует по мячу...

— Бориска! Уголёк! Долго мне ждать?!

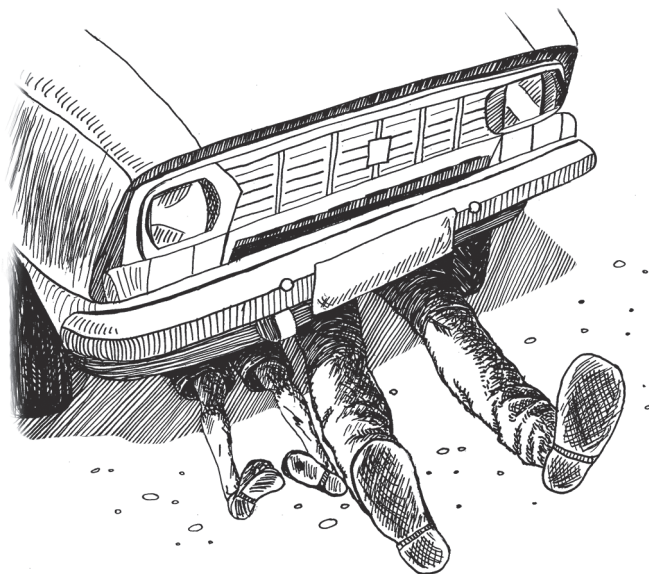
Две ноги начинают выползать из-под машины. Появляются на солнце вымазанные автолом колени. Потом вельветовые штаны, загорелый живот и сбитая на грудь рубашка в красную и жёлтую клеточку.

И вот он на ногах.

Ты думал, что Бориска чёрный, как цыганёнок? Ничего подобного. Волосы у него не светлые, но и не тёмные, а самые обыкновенные. А почему же тогда все зовут его Угольком? Может быть, из-за глаз? Они у Бориски и вправду словно блестящие угли. Но ведь ему девять лет. А когда человеку девять лет, кого интересуют его глаза? Просто фамилия такая у Бориски — Угольков. Потому и дали это прозвище. И Угольком его зовут гораздо чаще, чем настоящим именем.

Он стоит посреди асфальтового двора, щурясь от солнца и прикусив нижнюю губу. Прикусил губу он от досады: так и не дали ему помочь дяде Саше до конца.

— Уголёк! — закричала мама. — Появился, слава богу! Ну-ка скажи, куда ты дел ручку от мясорубки?

— Хорошенькое дело, — обиделся он. — Я её и не видел.

— А где верёвка для белья? Тоже не видел? Кто учил Вьюна через неё прыгать?

— Это была другая верёвка! — крикнул Уголёк. — Маленькая! — Он не стал уточнять, что маленькая верёвка была проводом от электроутюга. — А про большую я не знаю...

Певучесть окончательно исчезла в мамином голосе.

— Вы посмотрите! Он ничего не знает!.. А кто Гурьяну Кириллычу пистоны в замок сунул, тоже не знаешь, да? А он почему-то знает!

— Какие пистоны? — сказал Уголёк и стал разглядывать палец, который вылез из правой сандалиии.

— Вот приди домой! Узнаешь, какие! — рассердилась мама.

Она обязательно сердилась, если не могла что-нибудь найти или если у неё что-нибудь не получалось. Тогда Угольку вспоминались все грехи, и ему попадало. Бывало даже, что не совсем справедливо попадало...

От упоминания о пистонах вполне могло испортиться настроение. И оно уже начало портиться. Угольку не захотелось возвращаться под машину. Уголёк грустно задумался. Он вздохнул и повернул голову, чтобы почесать плечо о подбородок.

И тогда он увидел Белого Щенка.

В двадцати шагах от Уголька тянулся забор, путанный вверху колючей проволокой. Его построил Курилыч, чтобы отгородить свои грядки, парники и малинник от шумного и опасного двора соседей. Новых досок он не нашёл, забор получился кривой и разношёрстный. И вот

на сером и скучном заборе кто-то нарисовал мелом Щенка.

Щенок был весёлый. Он припадал на передние лапы, улыбался и тявкал. Правое ухо у Щенка торчало, как стрелка, а кончик левого загибался вниз.

Уголёк подходил к забору медленно, широко раскрыв свои большие чёрные глаза. Будто оказалось перед ним невиданное чудо. Щенок смотрел на него с забора и улыбался, словно звал поиграть.

— Ты как сюда попал? — спросил Уголёк. — Тебя кто нарисовал?

Но собаки, нарисованные на заборе, не умеют разговаривать. Щенок улыбался и молчал. Уголёк тоже заулыбался и протянул к забору ладонь.

Рука сама потянулась, словно хотела погладить Щенка. Но как погладишь, если под ладонью только шершавые доски...

— Уголёк, здравствуй! А я на дачу еду.

Бориска оторвал глаза от Щенка. Дядя Саша вылез из-под машины и теперь заталкивал в багажник огромный рыжий чемодан. Рядом стоял приятель Уголька Вовка Ларионов, Вовка-художник. Несмотря на жару, он был в длинных бархатных штанах и такой же куртке, похожей на колокол. Говорят, это обычный костюм художников. Сверху Вовку накрывала широченная войлочная шляпа, которую в прошлом году он привёз из Сочи.

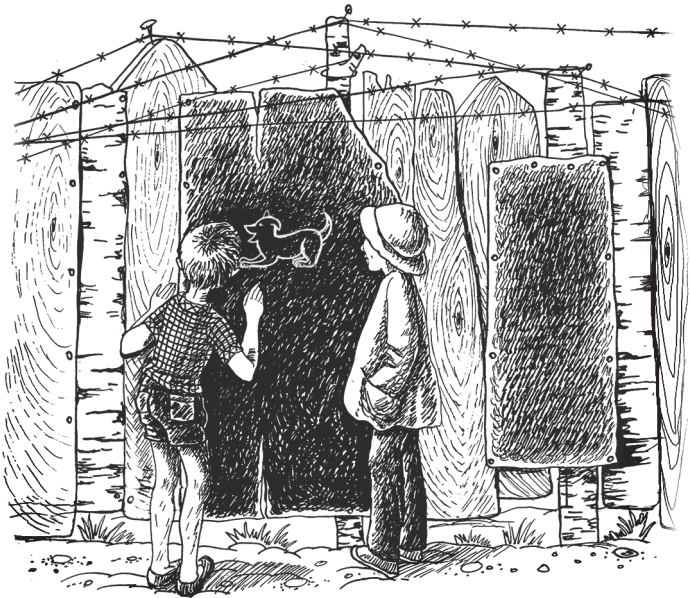
Счастливо блестя круглыми очками, Вовка повторил:

— Мы на дачу едем.

Уголёк молчал. Подумаешь, на дачу едет! Какой интерес ехать на дачу в августе? И вообще, зачем дача, когда лес в двух шагах от дома, где живут Уголёк и Вовка.

Уголёк снова глянул на забор.

— Слушай, Вов, не знаешь, кто его нарисовал?

— Щенка? Я, — сказал Вовка так спокойно, словно речь шла о какой-нибудь обыкновенной обезьяне или, скажем, крокодиле.

— Ух, Вовка, — выдохнул Уголёк, замирая от проснувшейся надежды. — Ты просто так рисовал, из головы, или срисовывал?

— Я всегда рисую с натуры, — солидно сказал Вовка. — Утром я вышел подышать свежим воздухом. Ты, конечно, ещё дрыхнул... Я вышел, а он сидит. Потом стал какой-то щепкой играть, развеселился. У калитки, где лужа. Я посмотрел и набросал для разминки... Ничего?

— А где он сейчас? Вовка! Где? — отчаянным голосом спросил Уголёк.

— Ушёл, — развёл руками Вовка и снова между прочим кивнул на рисунок: — Ну как?

— Ушёл. Эх ты...

Вовка, видя, что Уголёк воздерживается от оценки его произведения, надул губы.

— Славная псина, — грустно сказал Уголёк. — Чья же она?

— Может быть, ничья. Ведь без ошейника.

— Правда! Вдруг ничья? Может, потерялась...

Полыхнув нарядным цветастым платьем, к машине проплыла Вовкина мать.

— Вовочка, мы едем.

— Ну, пока, — сказал Вовка-художник.

— Ты не знаешь, как его звать? — глупо спросил Уголёк у захлопнувшейся дверцы.

Машина выпустила синий дымок и укатила со двора.

Собака воспитывают с детства. Злоключения Вьюна

Уголёк шёл домой с опаской. Но мама уже отыскала и ручку от мясорубки, и верёвку. А порванный провод от утюга она ещё не видела. Поэтому она не вспомнила о пистонах, и Уголёк не получил ни шлепков, ни подзатыльника. Мама весело велела ему смыть с себя мазут и садиться обедать. А сама стала собираться в клуб. Она спешила на занятие оперной труппы. Мама всегда куда-нибудь спешила: то на работу, то в вечерний институт, то на репетицию.

— Не хочется есть, — сказал Уголёк. Он и думать не хотел о еде. Он думал о щенке.

Уголёк вздохнул и позвал:

— Кис! Вьюн! Иди сюда, морда.

— Бедное животное, — жалобно сказала мама. — Ты, Уголёк, ненормальный...

Но это была неправда. Голова Уголька работала отлично. Он даже закончил второй класс без «троек». «Тройку» вывели только по рисованию. Уголёк не меньше других любил гонять футбол, прыгать с сарая и лазить за малиной в огород Курилыча. То есть он был вполне нормальным человеком.

Но у него была страсть: он бредил собаками. Конечно, есть люди, которые равнодушны к собакам. Есть даже такие глупцы, которые боятся собак. Эта повесть не для них. Им не понять человека, в груди которого бьётся сердце, полное любви ко всем собакам на свете: к лохматым городским дворнягам, к мужественным пограничным псам, к смелым караульщикам овечьих стад, к благородным представителям охотничьих пород и даже к бесприютным динго — жителям австралийских степей.

Конечно, если бы имел Уголёк свою собаку, он излил бы любовь на неё одну.

Но не было собаки.

В прошлом году, летом, Уголёк чуть не стал самым счастливым.

Он шёл с мамой в соседний гастроном и у крыльца магазина увидел пса.

Пёс был большой и пегий. Он линял, и шерсть висела ключьями на худых боках. У него была добрая розовая пасть и чудесные коричневые глаза.

— Ох, какой ты... — выдохнул Уголёк. Он медленно поставил на асфальт сумку с банкой для сметаны. Он сел перед псом на корточки.

— Боря! — воскликнула мама и певуче застонала.

Сидя на корточках, Уголёк был ниже собаки. Пёс перестал зевать. Весёлыми глазами он посмотрел на Уголька и, поднимая пыль, заколотил по асфальту тяжёлым хвостом.

— Псина. Милая, — сказал Уголёк. Он притянул к себе мохнатую голову с полувисячими ушами и прижал её к плечу. Милая псина облизала Уголька ухо. Сердце Уголька от радости запрыгало, словно крышка на кипящем чайнике.

— О-о, — проговорила мама издалека, потому что боялась собак больше, чем мышей и скарлатины. — О-о... Не прижимай это чудовище.

Чудовище облизало Уголька второе ухо.

Пока сын обдумывал, какой угол в квартире лучше подойдёт для собаки, а мама выбирала место, чтобы упасть в обморок, на крыльце раздалось постукивание. Из магазина вышел человек с седой щетиной на подбородке и деревяшкой вместо левой ноги.

— Балалай, — сипло позвал он.

Балалай бросил Уголька, медленно поднялся и описал вокруг хозяина ленивую орбиту. Как большая планета вокруг светила. Светило, что-то бормоча, прятало в кармане зелёное горлышко поллитровки.

Уголёк молчал. Но в его чёрных глазах, наверно, была такая тоска, что человек решил снизить до разговора.

— С тобой Балалай не пойдёт. Н-не пойдёт, — сообщил он, уперев в Уголька мутноватый взор. — Ты собаку с детства... воспитывай с детства. Тогда пойдёт. Потому что преданность в ней. Вот я последние штаны... отдам. А собаку н-ни за что...

Видимо, он собрался произнести длинную речь о собачьей преданности, но мама, оправившись от

потрясения, схватила Уголька за локоть и увлекла от опасного места...

Итак, собаки не было. Был только пожилой кот Вьюн, прозванный так за то, что в молодости отличался изяществом и грациозностью.

Собачья жизнь не для котов. Коты созданы для того, чтобы по ночам дурными голосами орать на крышах, днём спать на солнце, утром и вечером воровать на кухне молоко и рыбу, а в свободное от этих занятий время изредка ловить мышей. Вьюн считал такой образ жизни совершенно правильным. Уголёк считал иначе.

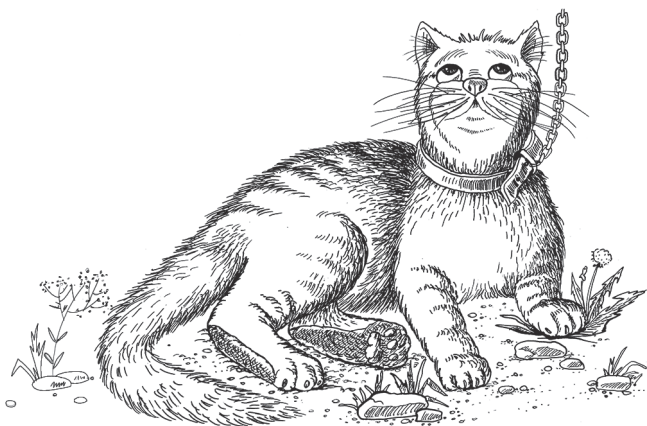
У него не было верного пса, который бы вытаскивал хозяина из кипящей морской пучины, шагал с ним по ледяным арктическим пустыням, помогал в охоте на носорогов и ловил шпионов. Зато у нашего Уголька было богатое воображение. А с помощью воображения нетрудно сделать из кота собаку.

Начались для Вьюна тяжёлые дни. Через неделю он похудел и стал тонким, как в юности. Он сопротивлялся. Он показывал когти. Но через месяц Вьюн понял, что для собственного благополучия следует ходить на цепочке не упираясь, и становиться на задние лапы, как только этого захочет упрямый хозяин. В общем, он многое понял.

Но ничего не понял Митька Шумихин. И его друзья не поняли.

Когда Уголёк первый раз вывел кота на цепочке от старых ходиков, во дворе раздался восторженный вой пяти глоток. Даже Витька-Мушкетёр, которого Уголёк считал человеком благородным и умным, поддался общему настроению. Он подскочил к Угольку, вежливо помахал перед ним бумажной шляпой и задал вопрос:

— Позвольте узнать, что за порода у вашей великолепной собаки?

— Верблюд, — сказал Уголёк.

— Очевидно, иностранная порода? Удивительное название...

— Ты верблюд, — уточнил Уголёк, отойдя поближе к дому...

Ты думаешь, с тех пор он бросил дрессировать Вьюна? Уголёк упрямый. Если смеются над ним или не получается что-нибудь, он только прикусывает нижнюю губу. Даже глаз не прищуривает, как это делают другие упрямые люди. Он лишь прикусит губу, а глаза открывает ещё шире, будто удивляется чему-то.

Уголёк не хочет бежать. Двое и отчаянная тётка

В доме, где живёт Уголёк, в каждом подъезде — сквозной коридор. Одна дверь ведёт на улицу, другая во двор.